

Когда Бай Лисинь проснулся на следующий день, ангел Цюй Яцзун занял тело и рано утром отправился в студию.

Эти двое бросали Бай Лисиня до полуночи, а демон Цюй Яцзун завернул Бай Лисиня в его собственную рубашку и отнес его в ванную, чтобы вымыть его, прежде чем отнести его в свою комнату, чтобы отдохнуть.

В темноте дома, в неподвижном ночном небе, звук ровного дыхания мальчика был повсюду вокруг него, когда он взял Бай Лисиня, чье тело было покрыто засосами, на руки. Демон Цюй Яцзун был необычайно спокоен, когда лежал рядом с Бай Лисинем, обнимая это теплое, здоровое, худощавое тело.

Как будто они были вместе долгое-долгое время, такие созвучные и знакомые.

Бурные эмоции в его сердце постепенно утихли, а демон Цюй Яцзун зевнул и погрузился в глубокий сон.

После того, как он погрузился в глубокий сон, ангел Цюй Яцзун открыл свои теплые нефритовые глаза.

Трудно было описать эмоции, охватившие его сердце, когда он взглянул на прекрасное обнаженное тело рядом с ним.

Этот мальчик мог расшевелить демона и в то же время успокоить его.

Этот мальчик мог заставить свое сердце биться чаще, но он также мог заставить его чувствовать тепло и мир. Этот подросток был таким замечательным.

В его голове пронеслись миллионы образов, от причудливого духа юноши, когда они впервые встретились, до самодовольства, когда он поцеловал его, до страсти юноши, когда он яростно отвечал под ним, и застенчивости и румянца юноши, когда он закончил.

В его воображении юноша действительно постепенно расцветивался, как самая прекрасная картина, глубоко запечатлевшаяся в его сердце. Он никогда не знал, что личность человека может быть такой разнообразной и привлекательной.

Для него все были однотонным цветом, черным, белым, синим, желтым или просто бесцветным. Когда он также выглядывает наружу, весь пейзаж — пустота белого, как черно-белый набросок. Так что он ничего не чувствовал; выражение его лица было равнодушным; его разум был спокоен и собран, как лужа стоячей воды.

Именно из того сна, который он увидел в возрасте шестнадцати лет, когда он впервые почувствовал теплоту цвета, он нарисовал этот прекрасный момент и с тех пор влюбился в

живопись.

И вот, спустя годы, он встретил яркого мальчика.

С этого момента ангел Цюй Яцзун даже почувствовал, что черно-белые наброски пейзажей вокруг него стали цветными, а не пустыми и холодными, и что пейзаж вокруг мальчика медленно наполнялся ореолом теплых цветов.

В его невозмутимых глазах вспыхнул ослепительный свет, и он слегка улыбнулся, склонив голову и благоговейно целуя волосы мальчика. «Спасибо, Венера моего сердца».

Лоб мальчика, возможно, немного щекотали пряди волос, и он издал приглушенный стон. Его голос был хриплым от крика всю ночь. Это было сексуально и мило, как храп маленькой черной пантеры.

Цюй Яцзун не мог широко не улыбнуться и снисходительно посмотреть на мальчика.

Ангел Цюй Яцзун всегда был равнодушным и изолированным от мира, в лучшем случае бесплотным, как бессмертный, в худшем, как картина великой красоты. Когда он улыбался, даже кончики его бровей светились чарующим светом.

Он был так трогателен, что едва ли можно было найти слова, чтобы описать его, и небо и земля затмились, как будто ни одно слово, описывающее его красоту, не могло быть и в половину так трогательно, как то, которое он демонстрировал.

Цюй Яцзун улыбнулся, надел белую рубашку и черные брюки и направился в студию.

Вдохновение прыгало в его голове, и ему не терпелось воплотить сцену в жизнь на бумаге.

Как только он начал работать над своей картиной, он забыл о мире, и ему потребовалось более десяти часов, чтобы остановиться. Когда он вылез из картины, то понял, что уже почти закат.

Только тогда он вспомнил Бай Лисиня, который весь вчерашний день был уставшим. Он задавался вопросом, встал ли молодой человек, поел ли он, и был ли он зол и обижен вчерашними событиями.

В конце своей мысли, он сделал внезапный рывок. Су Цин, должно быть, обижен на него, верно? Он даже сказал, что у него есть парень.

Цюй Яцзун был встревожен. Он потерял волосы, отбросил расческу и вышел из студии.

За пределами студии старый дворецкий стоял с прямой спиной.

Лицо старого дворецкого было не очень хорошим, и он держал в руке стопку вещей. Когда он увидел, что Цюй Яцзун наконец вышел из студии, он поздоровался с ним и передал их: «Молодой господин, это от джентльмена, который назвал себя Джоуи и сказал, что это для вас».

Старый дворецкий был старым членом отряда убийц семьи Стичино, обычно скрытным и малоизвестным. После того, как молодой господин отделился от мафии, старику стало не по себе, поэтому он отправил себя и поселился в особняке Цюй.

Глядя, как юный господин растет день за днем, все еще чистый и одинокий, он, евнух, чуть не облысел от беспокойства. Вчера молодой господин, наконец, просветлел и принес одного обратно, но он не ожидал, что это будет тот человек, который оказался в двух лодках.

Лицо старого дворецкого было угрюмым, и в душе он прикидывал, как бы помучить этого молодого господина Су, чтобы выплеснуть свой гнев.

Ангел Цюй Яцзун застыл, едва не нахмурившись. Он услышал, как голос в его голове сказал: «Возьми это, это то, что я попросил Джоуи проверить, это о твоём парне и Чжао Юньхае».

Демон Цюй Яцзун передал сообщение, и когда он произнес слово «парень», его тон стал еще более выразительным.

Он проснулся несколько часов назад, но ментальная энергия ангела Цюй Яцзуна была настолько сосредоточена на рисовании, что он не мог ее подавить, поэтому он молчал, но осознавал все, что происходит во внешнем мире.

Поэтому, когда старый дворецкий передал вещи, это был первый раз, когда демон Цюй Яцзун общался с ангелом Цюй Яцзуном так дружелюбно и мирно.

Ангел сделал паузу, прежде чем протянуть руку, чтобы взять предметы, сказать «спасибо» в ответ и уйти.

Когда он смотрел, как молодой господин уходит, лицо старого дворецкого помрачнело еще больше. Молодой господин никогда раньше не был так рассеян, и, должно быть, это было из-за того молодого человека по имени Су Цин.

«Молодой господин Су, не обижайте нашего молодого господина, иначе не обвиняйте старика в грубости. Хотя этот старик стар, он по-прежнему является патриархом мафиозной команды убийц.»

Ангел Цюй Яцзун просматривал бумаги на ходу. Джоуи был очень эффективным. Ему только

вчера вечером дали задание, но в ту же ночь он его сделал, и все было ясно и четко. С фото и текстами!

Другими словами, на фотографиях были четко показаны изображения двух из них, занимающихся сексом.

Глядя на этих двоих на фотографиях, демон Цюй Яцзун усмехнулся: «Я не могу поверить, что чистый студент колледжа, в отношении которого ты был так оптимистичен, настолько непредубежден. Но похоже, что один из них твой парень, а другой парень Су Цина, верно? Это не считается изменой?»

Ангел Цюй Яцзун опустил брови и равнодушно сказал: «Кто мы такие, чтобы обвинять этих двоих? То, что мы сделали, было еще более чрезмерным и чудовищным, чем они. Как ты думаешь, мы сами хорошие люди? Из четверых виновны трое; Су Цин самый невинный.»

На мгновение демон Цюй Яцзун потерял дар речи перед ангелом Цюй.

Через некоторое время ангел Цюй Яцзун добавил: «Один из них — его старший брат, от которого он зависит, а другой — его парень. В каком отчаянии был бы юноша, если бы узнал, что его предали два самых близких человека? Как бы он принял это? Кроме того, его нога все еще повреждена, так что мы не должны пока сообщать ему о том, что между ними произошло.»

Демон Цюй Яцзун возразил: «Чёрт возьми, ты собираешься позволить Су Цину продолжать быть с этим отморозком? Хех, если я займу тело, я немедленно позволю Джоуи убить его. Я обязательно возьму себе этого мальчика.»

Ангел Цюй Яцзун остановился в дверях Бай Лисиня и усмехнулся, думая: «Ты думаешь, что играешь в дораме об идолах? Ты знаешь, как чудовищно мы были прошлой ночью? Мы жестоко трахнули его! Боюсь, мы те, кого он ненавидит больше всего, по сравнению со своим братом и парнем.»

— И ты все еще пытаешься заполучить его? Нам повезет, если мы получим его прощение сейчас. Об остальном даже не думай. Какой смысл убивать Чжао Юньхая? Если ты убьешь его, ты только заставишь мальчика скучать по нему еще больше, а Чжао Юньхай станет киноварным кротом в сердце подростка, кем-то, кого никто не сможет превзойти. Если ты действительно хочешь, чтобы он бросил Чжао Юньхая, ты мог бы также найти кого-то, кто дискредитирует его, и позволит подростку увидеть его истинное лицо.»

Когда ангел Цюй Яцзун закончил говорить это в своем сердце, он внезапно дернулся и на несколько мгновений был ошеломлен и шокирован. И таким же был демон Цюй Яцзун. Две души долго молчали, прежде чем в унисон сказали: «Ни за что...»

Ангел Цюй Яцзун закрыл свое сердце. Он был сильно потрясен. Слова, которые он только что сказал, явно не должны были соответствовать его характеру, но, похоже, это слова, которые

мог бы сказать демон Цюй Яцзун.

Что это?

Ангел Цюй Яцзун был в смятении, и в его уме появилось подозрение.

Он покачал головой и отверг предположение. Этого не могло быть; как они могли слиться в это время, когда эти две души боролись друг с другом более десяти лет, но так и не сосуществовали в гармонии?

Он все еще был потрясен этой мыслью, когда вдруг услышал низкий стон боли из комнаты Бай Лисиня и с потрясением в сердце поспешно открыл дверь.

В комнате Бай Лисинь больно бился головой о стену, как будто ему нужно было разбить себе голову, прежде чем он примирился.

Когда он увидел это, сердце ангела Цюй Яцзуна подпрыгнуло, он сделал два шага вперед и взял молодого человека на руки: «Что ты делаешь? Почему бы тебе не сказать об этом?»

Бай Лисинь мучился от боли, вызванной укреплением его тела. Он использовал стену, чтобы облегчить боль, но теперь без нее он использовал все, что мог поймать.

Когда Цюй Яцзун взял его на руки, он не сказал ни слова, обвил руками шею Цюй Яцзуна и сильно укусил его за плечо.

По плечу Яцзуна сразу же побежали два пятна крови.

Цюй Яцзун сдавленно хмыкнул и крепче обнял подростка. Одной рукой он держал подростка за талию, а другой успокаивающе похлопывал по спине.

Спустя долгое время Бай Лисинь освободился от боли, и только тогда он открыл рот.

Его рот уже наполнился рыбно-сладким привкусом, и только тогда Бай Лисинь пришел в себя. Попробовав вкус во рту, а затем взглянув на кровавую рану, он нащупал рукавом, чтобы остановить кровотечение, и сказал: «Ах, извини, извини, я не хотел этого делать».

Увидев взволнованное выражение лица подростка, ангел Цюй Яцзун обожающе улыбнулся и положил голову ему на плечо. Голосом, полным извинений, он сказал: «Это я должен извиниться. Прости, детка, прости, что причинил тебе боль прошлой ночью.»

Этот голос был полон любви в своей мягкости, и рука Бай Лисиня, потиравшая рану,

остановилась. Кислота наполнила его нос, и его глаза горели.

После прихода в этот мир, хотя он знал, что души Цюй Яцзуна принадлежат к той же семье, что и душа Ло Циньтяня, он никогда не испытывал такой же любви и привязанности от тела Цюй Яцзуна, как от Ло Циньтяня.

Буквально сегодня, когда он проснулся, он все еще думал о том, что, хотя Цюй Яцзун и Ло Циньтянь были осколками души Господа Бога, они были разными. И что, возможно, только Ло Циньтянь влюбился в него, а Цюй Яцзун в конце концов был другим. Если это так, то какой смысл ему это делать?

Но теперь Цюй Яцзун, в то время, когда он был слегка разочарован, на самом деле говорил таким любящим тоном, что Бай Лисинь мгновенно почувствовал...

Фрагменты души были разные, но все они были его любимыми. Это была любовь его возлюбленного, тон его возлюбленного, душа его возлюбленного и фамильярность его возлюбленного.

В мгновение ока из глаз Бай Лисиня брызнули слезы, и он вцепился в Цюй Яцзуна, уткнулся головой в руки другого мужчины и заплакал.

<http://bllate.org/book/15650/1399560>